

Станный сосед

Сосед у меня — бывший охранник. Лагеря на севере стерег, заключенных винтовкой подбадривал, чтобы поживее работали и в барак дорогу не забывали. Сосед — был рыжим, а теперь по бокам лысой квадратной головы кусты волос остались, но не седые, а знойномедные. Рыжий был сосед.

А зовут его — Константин Герасимович Брандербургский. Я долго путал соседа с берлинскими бранденбургскими воротами, а потом привык. Но кое-кто в нашей деревне до сих пор путает Константина Герасимовича с германскими воротами, хотя сосед маленький ростиком, сутулый, мелкоглазый, с длинными вялыми ушами, но чуткими — при всяком шорохе вздрагивают и напрягаются.

Константин Герасимович твердо уверен: Союз разворовали министры, члены Политбюро, начальники строительных трестов, рыбнадзоры, директора, продавцы и ювелирники, кооперируясь в Москве со смуглыми кавказцами и разными бойкими азиатами, охочими до русских соглашательных баб.

Сосед не пропускает ни один воскресный день, обязательно едет на базар, сельский рынок, и приценивается:

— Почем картоша?

— Три...

— Нос утри! — передразнивает толстую торговку Константин Герасимович.

— Почем лук?

— Шесть...

— С тебя еще не слезла шерсть! — ругает он спекулянта.

— Почем мясо?

— Пятьдесят пять...

— По камере плачешь опять? — рифмует Константин Герасимович.

Пенсия у соседа небольшая — двести рублей, сюда и горбачевская компенсация приплюсована, двести рублей.

Константин Герасимович — рядовой охранник. В охранники его призвали уже в 1956 году, и стерег он, строго и честно, воров, торгашей, барышников, бродяг, бандитов, а их у нас — миллионы, кто считал?..

За двадцать пять лет службы сосед потерял веру в человека: люди у него — жулики, а каждый в отдельности — бери и сажай без суда и следствия, есть за какие махинации!.. Константин Герасимович рассуждает:

— Я ворую, ты воруешь, он ворует, а четвертый, нас трое, а четвертый не хочет? Нет, непременно ворует. Копни его — ворует, а кричит: — Я честный!.. Честные — в могиле. Честные — в США, богатая держава, бесплатно раздает обеды и синтетические

салфетки. А у нас?..

И охранник загибает палец:

— Воробьев плут. Медведев плут. Быков плут. Антошин плут. Ерошкин плут. Абдулкин плут!.. — Охранник разгибает пальцы и сурово заключает: — Хрущев тащил. Брежнев тащил. Черненко тащил. Горбачев тащил!..

— А Сталин? — кидали ему задачу.

— Сталин? Сталин не воровал, о Родине пекся, расширял и крепил.

— А Юрий Владимирович Андропов?

— Не воровал, настоящий чекист!..

— А Ленин?

— Ленин? Зачем Ленину воровать? Большой человек... Руководил мало.

Константин Герасимович внешне никогда не изменял себе: опрятно одет, побрит, поглажен, трезв и задумчив. Но многие и не подозревали: думы его — думы огромные, государственные.

И все-таки охранник «срывался» — запивал. Вбегал в магазин, шустрый, тревожный, как бы при погоне за дезертирами, выхватывал из кармана деньги и бросал на прилавок: —

Бутылку! — И удалялся. Пил он один. Пил много. Пил жестоко и прицельно, сощуривая мелкие глазки, сводя рыжие, посыпанные медной пылью реснички, и пил, крякал и пил, утирая губы ладонью:

— Воры. Кругом одни воры. Кругом! — И загибал пальцы, про себя считая воров, простых и высокопоставленных, каждому — загнутый палец... Хихикал и запевал:

Тарам, тю, тю,

Тарам, тю, тю,

Я коммунизма не хочу,

Партийные кусаются,

Друг дружку брить стараются,

И потому там лысые

Не только — белобрысые,

Указом сверху велено

Всем походить на Ленина!..

Больше Константин Герасимович ничего наизусть не помнил, а запой длился неделю и две. Песенка звучала в его устах всюду: по дороге к магазину, по дороге из магазина, по тропке к дровнику, по тропке к уборной, пока он не очухивался. А, очухиваясь от водочного пара, начинал бороться с подозрениями: вдруг «засекли» охранника за веселыми стихами, тогда?..

Он волновался, переживал, заглядывал встречному в лицо, выманивая тайну: не подслушал ли тот его?.. Осторожно открывал дверь магазина, осторожно рассчитывался за бутылку и еще осторожнее закрывал дверь. Продавщицы знали — после перегула. И Константин Герасимович Брандербургский знал, он — после перегула, но знать — одно, а окружение — другое. И охранник продолжал подозревать, выяснять, уточнять, процеживать мысленно: соседа, не соседа, знакомого, не знакомого, уточнять и подытоживать.

За разовое пение стихов — штраф. За повторное — повторный штраф. За третье — год. За четвертое, после двух штрафов и отсидки — пять лет, за следующие — накатом, до десяти. А он сколько пел? Трудно дать справку.

На ступеньках булочной алкаши часто затевают потасовку. Хотя охраннику и без них тошно, но...

Глазей и смейся, думай и дивись:

Два жлоба напились и подрались.

Ломая сучья, драчуны друг друга

Дубасили прилежно и упруго.

С корней, обезумев, сорвали ели,

Но сил друг в друге не преодолели.

Тогда один напрягся и со стоном

Ударил собутыльника батоном

По голове, и варвар приумолк,

Знать, пекарь в хлебе понимает толк.

Ведь сучья в драке были бесполезны,

А у батона ребра, как железны!

Имей алкаши мягкие теплые булочки — кулачная не вспыхнула бы, а батоны, гири и гири, ухайдакать человека ими запросто, давай суди новоиспеченных разбойников вместо того, чтобы настоящие батоны печь. Как низко пала держава!..

Слухи ползут: Горбачев собирается освободить всех, всех, без исключения, осужденных — кооперативы из них создать, мощные, наглые, блатные, не удержать ни милицией, ни охраной, ни армией. Президент мастер менять мнение, переворачивать законы, штамповать указы. Указы исчезают, а мнение остается, слухи остаются. И президент — на вышке, на вахте мнений общества СССР.

Константин Герасимович ярко рисовал картину: все зэки, даже тот, рыжий, на него, Костю, похожий, которого он подстрелил, подранил на лесном повале, показалось охраннику, — рыжий за деревья, за деревья и удирает. Выстрелил — рыжий прилег, к земле, к снегу, и хватает ртом снег, хватает, а кровь из шеи течет и на белом снегу

подмораживается.

Рыжий моментально скончался, а второй рыжий, Константин Герасимович Бранденбургский, получил внеочередной отпуск, на море погрелся, вес прибавил на кило четыреста, а сердце ныть научилось — ранил Костя и его, себя ранил... В преступника метил, а и себя ранил. Да и преступник — какой преступник? Украл в колхозе бычка — продал, кутнул. Схватили — арестовали.

Костя ярко рисует картину: охранники, а они почему-то, в основном, рыжие, интернациональные, из грузин, чеченцев, калмыков, русских, но рыжие, за колючей проволокой, а вчерашние зэки — с винтовками, начеку... Интересно?

Следующая картина: охранников из зоны выгоняют указом, а помилованных зэков загоняют указом. И — сказка про белого бычка: зэков указом выгоняют, а охранников указом загоняют. Перестройка. Альтернатива. Приоритет. Контекст. Прерогатива. Общий европейский дом. Человеческие ценности. Регулируемый рынок. Брандербургский ладонями помял голову и голова приняла квадратную форму — с детства так: помнет — и голова квадратная, ай!..

Жил охранник в домике — один. Пил, нам известно, — один. Закусывал — один. Спал — один. Разговаривал с собою — один. Кур не держал — петух не беспокоил по ночам. Кошек — не держал. Будильника — не держал. Будильник ему надоел в казарме — тик, тик, тик: поднимайся, винтовку в руки и — становись!..

Ушел на пенсию — свободный от будильника, наряда, винтовки, газет и портретов Ленина. Все ему надоело, особенно — заключенные, ворь, сплошная ворь, паразиты. Константин Герасимович жил бы и жил, если бы не проклятая перестройка: цены в десять и более раз подпрыгнули, а купить нет чего. Деньги шуршат, а веры им никакой: пустые, горбачевские фокусы, знаки, значочки, мелочь.

Народ взбунтовался — на демонстрации ходит, нормально, по два, по три, по четыре люди ходить не желает, валят на улицу тысячами, черт глупый. В Грузии постреливают ребята и сами попадают на мушку. В Прибалтике постреливают и сами попадают на мушку. Да мало ли где пули посвистывают?

Президента — бранят. Президент — бастующих журит. Злоба выбросилась, как пожарный дым, на просторы, а Россия бескрайняя, грозные годы надвигаются. Болтают в народе: за различные анекдоты про лысых и пятнистых увозят, допрашивают, раздевают и в ледяной бассейн окунают, крестят, причащают, а позже на суд, религия же, и судят страшно, как при Ленине и Сталине, дескать, ленинизм и сталинизм — вечное учение!..

Думая о своих проступках и трусая, трусая и снова думая, Константин Герасимович запил так, загулял так — икона в углу его низенького домика обновилась. Да, обновилась. Пил, пил, пил охранник, пил, уже не закуривая, а при выпивке он иногда курил, пил, уже не закусывая, а лишь мурлыча сокрушенно:

Тарам, тю, тю,

Тарам, тю, тю,

Я коммунизма не хотю-ю-ю...

Но не успел допеть до слов «И потому там лысые Не только белобрысые, Указом сверху велено Всем походить на Ленина!..» — повалился на диване и захрапел, как отдежурил сутки, как отпахал день землю, как отстучал молотком отбойным в шахте смену.

Ночью открыл глаза, рыжие ресницы открыл — икона горит. Тихо. Темно. Жутко. А икона горит. И от иконы сияние по сторонам. Константин Герасимович дернул голову —

не шевелится. Дернул руки — не шевелятся. Дёрнулся — тело железное. А икона горит и свет от нее по домику сеется.

И Бог, похожий на Михаила Илларионовича Кутузова, совестит Костю:

«Частушки поешь? А Россию, родную Россию мою, распродают, островами торгуют? Пьешь — встать не можешь? Судить тебя, сукина сына, пора. Ворья дом полный, а ты пьешь. Позор!»

Брандербургский поднялся — перекрестился. А икона горит и нежный свет далеко от себя рассеивает. Горит и светит. Слезы подбежали под горло Константину Герасимовичу, дышать трудно, дрожа и потея, он уловил за окошком слова:

— Он поет про лысых?..

— Он...

— Он гуляет третью неделю?..

— Он...

— Он сочиняет гадости о коммунизме и перестройке?..

— Он...

— Ломайте двери! — приказал кто-то, почудилось Косте...

Рыжий охранник нащупал под подушкой револьвер, а с ним пенсионер никогда не расставался, поднес дуло к носу — пахнет свежим порохом, значит, оружие в порядке. Поднес и на миг увидел себя в сиянии иконы молодым, ладным, рыжим, смелым. Будто снега, снега, а заключенные вырвались из зоны и — по тайге, по тайге, а у него пистолет, замечательное оружие.

А икона свет и горит. Горит и светит. А в двери стучатся, ломятся, кричат. Пот струится по телу охранника. Кровь струится по иконе. Умыть ее некогда: расстреливаем, воюем, судим и опять, воюя, расстреливаем, совесть пачкаем.

Ночь. Звезды. Окошко — пробито звездами. Двери ломают. И — охранник поднялся, встал с дивана, выпрямился. Лысый. Рыжий. Горячечный. Нажал на курок. И — опрокинулся за грохотом, за огнем, за свинцом. Лег — вниз лицом, уткнулся во тьму. А по домику долго комариным звоном песенка:

Трам, тю, тю,

Трам, тю тю,

Я коммунизма не хотю,

Партийные кусаются

Друг дружку брить стараются...

Когда действительно взломали двери — Константин Герасимович Брандербургский лежал на полу. А около него чернел пистолет образца 1937 года...

1987—1991